

— Пожалуй, стоит позвать и тётушку Юнь, — предложил Чжуан Лин.

Хань Хэн согласно кивнул. В конце концов, он занимал тело чужого сына, так что это было бы справедливо.

Вскоре подошла и Сюэ Юнь. Всё это время лекарь осторожно придерживал Хань Хэна за подбородок, внимательно изучая его лицо. Тонкие пальцы, пропахшие горькими травами, то легко, то с нажимом ощупывали повреждённую кожу.

— Тётушка Юнь, — Чжуан Лин даже не поднялся с места.

Сюэ Юнь слегка поклонилась ему в ответ. Хань Хэн поспешно отодвинул свободный табурет:

— Матушка, присаживайся.

— Лекарь Лан, лицо моего сына... его можно восстановить? — едва присев, Сюэ Юнь тихо вздохнула, не скрывая тревоги. — Я лишь хочу, чтобы он поменьше мучился. Даже если он на всю жизнь останется таким, ничего страшного.

— Матушка, посмотри, что принёс старший брат, — Хань Хэн попытался отвлечь её, надеясь вызвать на измученном лице женщины хоть слабую улыбку.

Он понимал, почему вчера матушка так долго изливала ему душу: она отчаянно пыталась пробудить его память и, главное, помирить с Чжуан Лином. Судя по той двусмысленной нежности, с которой Чжуан Лин к нему относился, между ними определённо что-то было. И пусть Хань Хэн не собирался возвращаться к прежним отношениям, назвать того «старшим братом» ему труда не составило. Не убудет же от него, в самом деле.

Стоило Чжуан Лин услышать это обращение, как его суровый вид заметно смягчился. Сюэ Юнь открыла шкатулку.

— Это... маска? — она перевела взгляд с Хань Хэна на Чжуан Линя. Кончиками пальцев она осторожно приподняла край изделия, разглядывая его. — Какая тонкая работа. Ты уже примерял её?

— Ещё нет. Но даже если с лицом ничего не выйдет, в этой маске я хотя бы не буду пугать людей на улице. Мне ведь нужно как-то зарабатывать на жизнь, не вечно же на твоей шее сидеть.

Хань Хэн уже всё просчитал. Лучше всего открыть весёлое заведение с песнями и танцами — в прошлой жизни он сам начинал на подтанцовках и прекрасно знал изнанку этого дела. Нужно лишь разведать, как здесь устроены подобные заведения. У матушки явно водились сбережения, иначе как бы она содержала такую усадьбу? Стоит составить толковый план, и

она наверняка даст денег на раскрутку. Да и Чжуан Лин подсобит — если не ради прежней любви, то хотя бы по старой дружбе. В крайнем случае можно предложить ему долю в деле и выплачивать ежегодные дивиденды.

Мысленно Хань Хэн уже всю щёлкал костяшками счетов.

— У меня есть два способа, — заговорил лекарь Лан. — Выбрать вам.

— Пожалуйста, расскажите, — Хань Хэн с интересом сделал глоток чая.

Особого страха он не испытывал. В своей прошлой жизни, когда он только-только начинал крутиться в шоу-бизнесе, одна его знакомая решилась на пластику подбородка в Корее. Он тогда поехал с ней за компанию для поддержки. Помнил, как бедняжка после операции даже рот закрыть не могла, а овсянка застревала у неё в швах. В древности, конечно, технологии попроще, да и речь шла всего лишь об устранении рубцов, так что паниковать причин не было. Разве что боли он немного побаивался.

— Первый путь — постепенно, шаг за шагом, восстанавливать прежние черты лица, ориентируясь на старые контуры. Процесс займёт несколько лет. Я осмотрел кожу: шрамы на ней затягиваются неплохо, но любые надрезы всё равно оставят едва заметные следы.

— А второй? — спросил Чжуан Лин.

— Второй способ — взять лоскут кожи со спины и пересадить на лицо. Когда он приживётся, мы скорректируем детали. К счастью, нос, губы и глаза не пострадали, их восстанавливать не придётся. Однако в этом случае твоё лицо станет немного другим.

— Я лишь хочу знать, при каком способе мой мальчик будет меньше мучиться, — твёрдо произнесла Сюэ Юнь.

Несмотря на хрупкий вид, годы, проведённые во главе дома, наложили на неё отпечаток — в голосе звучала непреклонная властность. Но это была совсем не та пугающая сила, которой обладал Чжуан Лин. Сюэ Юнь напоминала Хань Хэну строгих начальников из прошлой жизни: не сойдёшься с ними характером — и пиши пропало. Голос же Чжуан Линя, когда тот отдавал приказы, внушал животный ужас, словно невидимые пальцы мёртвой хваткой сжимали горло.

— При первом варианте потребуется слишком много мелких вмешательств, лечение растянется, хотя каждая отдельная процедура будет переноситься легче. При втором — мы сделаем основную пересадку за один раз, а потом понадобятся всего три-четыре лёгкие притирки. Года за три лицо полностью заживёт. Но во время первой операции будет много крови, а на спине останется уродливый шрам, — лекарь Лан положил ладони на колени и, договорив, перевёл взгляд с Сюэ Юнь на Хань Хэна. — И учти: вернуть прежний облик один в один вряд ли удастся.

— Но ведь при втором способе... с помощью последующих процедур всё же можно будет приблизить лицо к прежнему виду? — спросил Хань Хэн.

Местная медицина явно уступала технологиям его времени. Сам он не испытывал ни малейшей привязанности к чужой былой внешности, но понимал, что Сюэ Юнь всем сердцем желает видеть своего настоящего, прежнего сына.

— Когда лоскут приживётся, его рост покажет, что делать дальше. С помощью ланцета и мазей гораздо проще вылепить совершенно новое лицо, чем с ювелирной точностью воссоздавать прежнее, — честно ответил старик. — Подумайте хорошенько...

— Нечего тут думать. Выбираем второй способ, — отрезал Чжуан Лин.

— А у матушки ты спросить не хочешь?.. — начал было Хань Хэн, но Сюэ Юнь мягко перебила его:

— Юный принц прав. Я тоже не хочу, чтобы тебе раз за разом резали лицо. Это слишком тяжело, — она ласково погладила сына по волосам. — Неужели ты думаешь, маме так важна твоя прежняя внешность?

Хань Хэн замер. От ладони Сюэ Юнь исходил тонкий, едва уловимый аромат благовоний — тёплый, домашний и бесконечно успокаивающий.

— Мне жаль лишь одного: что тебе придётся терпеть эту боль.

Смутившись от избытка чувств, Хань Хэн тихо прервал её:

— Ну матушка...

— Что «матушка»? — Сюэ Юнь шутливо насупилась. — Вчера сам говорил, что сколько бы лет тебе ни стукнуло, для меня ты всегда останешься ребёнком. Что, сегодня память опять отшибло?

Её нарочито ворчливый тон заставил Хань Хэна покраснеть. Сквозь синяки и багровые рубцы проступил румянец, отчего его изуродованное лицо на миг показалось совсем свирепым.

Впрочем, лекаря Лан за долгую практику трудно было удивить уродством, а двое других успели привыкнуть к его виду за последние дни. Да и может ли любящая мать испытывать отвращение к плоти от плоти своей, как бы та ни изменилась?

А что до Чжуан Линя...

Хань Хэн искоса взглянул на него. Тот уже вовсю обсуждал с лекарем сроки начала лечения. Почувствовав на себе чужой взгляд, Чжуан Лин резко повернул голову.

Сердце Хань Хэна испуганно ёкнуло, и он поспешно отвернулся.

Когда лекарь Лан ушёл, Сюэ Юнь, словно намеренно давая им возможность побыть наедине, засуетилась. Сказав, что договорилась обсудить новые узоры для вышивки с соседкой, она поспешно выскользнула за дверь.

— У тебя появится совершенно новое лицо. Каким ты хочешь его видеть? — Чжуан Лин прищурился, пытаясь разгадать его мысли.

— Разве тебе не хочется, чтобы ко мне вернулся прежний облик? — удивился Хань Хэн.

Если эти двое действительно любили друг друга, то Чжуан Лин должен был больше всех на свете мечтать о возвращении прежнего Хань Хэна.

— Нет, — заметив его недоумение, Чжуан Лин невозмутимо налил себе чаю и сделал неторопливый глоток. — Перед своим исчезновением ты изрядно потрепал мне нервы. А вернувшись, бесишь меня ещё сильнее. Видя твоё прежнее лицо, я, чего доброго, не удержусь и начну тебя бить.

— И что же мешает тебе сделать это прямо сейчас? Прошу, милости просим, — Хань Хэн с вызовом подставил ему левую щеку.

Чжуан Лин промолчал. В комнате повисла тяжёлая тишина.

Поняв, что сморозил глупость, Хань Хэн попытался отстраниться, но Чжуан Лин мёртвой хваткой перехватил его пальцами за подбородок.

Взгляд принца — глубокий, затягивающий, с едва уловимым отливом тёмной синевы — медленно скользил по его лицу. Единственным, что связывало этого изуродованного калеку с тем прекрасным юношей из прошлого, оставались глаза — чарующие, зовущие разрезy «цветков персика». Но из-за амнезии взгляд Хань Хэна изменился до неузнаваемости.

Теперь в них читалось абсолютное, почти дерзкое равнодушие к миру. При встрече взглядов казалось, будто этот человек видит тебя насквозь, обнажая самые сокровенные тайны души. Подобная надменность и уверенная, глубокая властность всегда раздражают сильных мира сего. Ни один хищник не упустит возможности подчинить себе столь гордую, великолепную добычу.

Именно потому, что прежний Хань Хэн когда-то задел Чжуан Линя за живое, тот смог по одному лишь слабому стону узнать в окровавленном, загнанном в угол бедолаге некогда

безупречного, недостижимого небожителя, взиравшего на мирскую суету с высоты своего величия.

А теперь...

Этот величавый некогда человек даже не смеет смотреть ему в глаза.

— Если я тебя ударю, придётся тратить ещё больше серебра и сил на лекарей, — усмехнулся Чжуан Лин. — Раз уж ты сам себя не бережёшь, то почему другие должны относиться к тебе бережнее?

В этих словах явно крылся намёк. Хань Хэн неловко кашлянул. Пальцы Чжуан Линя всё ещё цепко сжимали его подбородок, и Хань Хэн попытался аккуратно разжать их.

Бесполезно. Этот тип словно владел техникой каменного захвата — пальцы не поддавались ни на миллиметр.

Взгляд Чжуан Линя становился всё тяжелее, будто он пытался просветить Хань Хэна насквозь, до самых костей. Хань Хэн затаил дыхание, чувствуя, как краска стыда заливает шею и уши.

— Так за эти дни ты ничего не вспомнил?

— Нет, — буркнул Хань Хэн, упрямо глядя в пол. — Ничего.

Поскольку Хань Хэн не поднимал головы, он не заметил, как по лицу Чжуан Линя скользнуло облегчение. Он едва заметно усмехнулся, хватка ослабла, и он тихо, почти шёпотом, спросил:

— Значит, матушка так и не рассказала тебе, кем мы были друг другу?

— Кем? — Хань Хэн шумно втянул воздух и резко вскинул голову. — Матушка ничего такого не говорила! Да и я ничегошеньки не помню.

В памяти мгновенно всплыло то двусмысленное прикосновение к его ягодицам несколько дней назад.

«Только бы не это...» — мысленно взмолился он.

В глазах Чжуан Линя на мгновение промелькнуло разочарование.

Хань Хэн недовольно надулся:

— Ты ведь сам говорил: не получается вспомнить — и не надо. Нельзя же просто так брать свои слова обратно.

— Действительно, — Чжуан Лин поднялся со стула. — Отдыхай. Я навещу тебя завтра.

Провожая взглядом его удаляющуюся фигуру, Хань Хэн пребывал в полной растерянности. Чжуан Лин оставался для него неразрешимой загадкой. С одной стороны, он был первым, кого Хань Хэн встретил в этом мире, и от его воли зависело благополучие их маленькой семьи. Будь этот человек чуть менее властным и не таким непредсказуемым, Хань Хэн с радостью бы с ним подружился. Но от Чжуан Линя исходила глухая, опасная угроза. Хань Хэн инстинктивно чувствовал: с ним шутки плохи, и лучше держаться от него подальше.

В последующие дни лекарь Лан присылал своего ученика, чтобы тот расспросил Хань Хэна, каким бы он хотел видеть своё новое лицо. Хань Хэн просто набросал на бумаге портрет — точную копию своего прежнего, оригинального облика из прошлой жизни.

Глядя на изящные, слегка подёрнутые томной дымкой черты на рисунке, он невольно улыбнулся:

— Передай лекарю Лану: если получится восстановить хотя бы половину этого великолепия, я буду благодарить небеса до конца дней.

— Красиво, — протянул мальчишка-подмастерье, разглядывая набросок. — Только на пижона какого-то похож.

— Что за намёки? Это называется мужским шармом! — фыркнул Хань Хэн.

В прошлой жизни он и впрямь был чертовски хорош собой — теперь, глядя на себя со стороны, он мог признать это вполне объективно. Его внешность действительно таила в себе немалое искушение. Видимо, судьба просто приревновала его к собственной красоте, раз решила закинуть в тело этого несчастного уродца.

Чжуан Лин не появлялся несколько дней.

За это время раны Хань Хэна почти затянулись, лицо перестало ныть, а когда спал отёк, он стал выглядеть чуточку презентабельнее. По крайней мере, если сравнивать с тем кошмаром, что был вначале.

Накануне ночью прошёл дождь, и утро встретило его прохладой и мягким, не обжигающим солнцем.

Достав шкатулку с маской, которую принёс Чжуан Лин, Хань Хэн из чистого любопытства приложил её к лицу, словно обычную косметическую маску, и аккуратно разгладил пальцами

по коже.

Тончайший материал мгновенно слился с его лицом.

Когда Хань Хэн взглянул в медное зеркало, он изумлённо округлил глаза. Он и подумать не мог, что маска способна на такое чудо. Плотнo прилегая к коже, она явила миру безупречное, абсолютно естественное лицо без единого изъяна.

<http://bllate.org/book/20487/2132496>